

УДК 81`373.612.2

Н.О. Золотова

МЕТАФОРА КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ НЕНАБЛЮДАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ

Рассматриваются различные подходы к проблеме метафоры как когнитивного механизма. Внимание акцентируется на познавательной функции метафоры и ее моделирующей роли в повседневной жизни и в научных изысканиях, в частности, в исследованиях ментального лексикона.

Ключевые слова: метафора, познавательная функция, когнитивный механизм, моделирование, ментальный лексикон.

Обращение к арсеналу метафор – источник вдохновения исследователя в процессе построения гипотез относительно структуры непосредственно не наблюдаемых объектов. В ходе процесса познания ученые уподобляются поэтам, когда порождают свежие метафоры, предлагая новые гипотезы. Это во многом возможно потому что, по предположению Д. Лакоффа и М. Джонсона, наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер [12: 387]. Обусловленность мышления и повседневного опыта человека, в том числе и ученого, метафорой позволяет расширять границы знания за счет когнитивного механизма, который лежит в основе этого феномена. Э. Маккормак полагает, что «объяснения, лишённые метафоричности, были бы трудными, если не невозможными; ведь для того, чтобы описать неизвестное, мы должны прибегнуть к понятиям, которые мы знаем и понимаем, и, таким образом, суть метафоры состоит в необычном соположении знакомого и незнакомого» [14: 366].

Рассматривая эволюцию научного стиля, А.Д. Плисецкая [15] обращает внимание на стремление к его «идеализации», причем не только в отечественном языкознании XX века. За идеализацией научного стиля и «осуждением» в нем метафоры, по мнению автора, скрывается глубокий идеологический смысл: в поле зрения ученых начала и середины XX века попадали лишь некоторые метафоры, используемые крупнейшими отечественными лингвистами; эти метафоры действительно «стирались», превращались в термины, «подхватывались» академической грамматикой. Так, встретившийся в монографии В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) «строй языка» становится ключевым термином советского языкознания, прекрасно согласуясь с «тоталитарной» метафорой строя: все индивидуальное в жизни, политике, науке и языке не приветствовалось, отвергалось, все должны были маршировать в ногу, а если в языке и есть единицы, то и те «строевые» [Op. cit.].

В современной науке метафора является неотъемлемой составляющей научного мышления и научного дискурса. Эпистемологический статус метафоры становится сегодня предметом особого рассмотрения в философии

науки и теории познания (см.: [3]). Е.А. Гогоненкова связывает это, с одной стороны, с начавшимся еще с середины XIX века бумом теоретического интереса к проблеме функционирования языка, осознанием особой роли метафорических образований в различных типах дискурса и разных сферах культуры, со становлением междисциплинарной науки метафорологии, которая позволит изучить природу метафоры в единстве всех ее аспектов — лингвистических, когнитивных, логико-семантических, семиотических, психологических, стилистических и др. С другой стороны, пересмотр эпистемической значимости метафоры увязывается автором с кардинальной ломкой «эпистемологических ценностей», радикальной трансформацией традиционной гносеологической проблематики и изменением целостного образа науки в постнеклассическом культурном пространстве [Op. cit.].

Новая оценка познавательной функции метафоры, а именно – признание ее моделирующей роли – исходит из тезиса о внедренности метафоры в мышление: «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [1: 14].

Метафора или аналогия часто служат начальным пунктом научного исследования. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, метафора «удлиняет руку интеллекта» (цит. по: [11: 3]), т.е. является по своей сути орудием научного поиска. Привычность утверждения о метафоричности человеческого мышления, тем не менее, не мешает подтверждению этой точки зрения многовековой историей человеческого познания, в том числе и научного. По мнению М.Л. Макарова, в основе какой-либо теории или целой парадигмы, как правило, лежит представление, восходящее к «наивному» метафорическому образу объекта и предмета данной научной отрасли как части существующего мироздания, т.е. по сути – его «наивной» онтологии [13: 22].

Метафоры, используемые в лингвистике, дают ключ к пониманию природы языка и его единиц: в этом можно убедиться, лишь бегло взглянув на некоторые категории сравнительно-исторического языкознания (*корень, эволюция, ветвь, семья, род, генеалогическое древо и т.п.*). На широкое использование естественнонаучных метафор в классическом, структурном и историческом языкознании указывают многие авторы, специально рассматривающие проблему употребления метафоры научном дискурсе. Например, М.Л. Макаров связывает использование научных метафор биологии в построении методологической модели лингвистики XIX века с ростом влияния натурализма, особенно теории Ч. Дарвина. В XX в. на смену натуралистической пришла системная, инженерно-кибернетическая «языковая игра» [13: 23].

Трудно не согласиться с мнением Н.Д. Арутюновой, которая указывает на тот факт, что «смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [1: 15]. Череда общенаучных метафор, направлявших принципиальный подход к трактовке исследуемых учеными явлений, от «машинной» метафоры через «информационную», «компьютерную» и «мозговую» к

метафоре «живое знание» как отвечающей современным требованиям целостного рассмотрения человека, прослеживается в работах А.А. Залевской в (см., например, [7]; подробно о метафоре «живое знание» см.: [8]; об эвристическом потенциале метафоры и роли разного рода признаков, в том числе – «несущественных» признаков и признаков признаков в формировании «метафорического флюса», при котором имплицитруемые отдельным признаком качества и вытекающие отсюда следствия приписываются новому объекту при игнорировании несовпадающих признаков, см.: [5]).

В современной науке активно обсуждается вопрос о характере аналогий между явлениями в определенных системах неживой природы и психическими явлениями, которые открывает синергетика: открывает ли она только подобию, более или менее близкие аналогии в протекании эволюционных процессов в разного рода сложных системах, или же изоморфию, общий паттерн эволюции? [11: 53]. Ответ на поставленный вопрос, так или иначе, связан с когнитивной природой метафоры, позволяющей рассматривать ее в качестве «рабочей гипотезы», в том смысле, что она выступает стимулом для дальнейшего научного поиска. Метафора, или слабая аналогия, означает, что первоначально имеется неполнота нашего знания. Она играет роль параметра порядка, направляет исследования и помогает заполнить пробелы в сетях знания. Изучение немногих параллелей иногда успешно продолжается и приводит к установлению все большего количества параллелей и, наконец, к открытию внутренней изоморфии [Ibid.]. Именно таков путь развития синергетики как междисциплинарного подхода, с помощью которого предпринимается попытка установить внутреннюю изоморфию поведения сложных систем в живой и неживой природе.

Примечательна дифференциация метафор с точки зрения их функции в процессе познания, предложенная Э. Маккормаком [14]: автор выделяет «передающую метафору», эксплуатирующуюся как языковое средство для передачи семантических сдвигов в концептуализации, и «базисную», играющую роль гипотетического допущения, представляющую собой основу той или иной теории, научной дисциплины или теологии, а не только основу метафизической теории, как «коренная» (в других переводах – «корневая») метафора, введенная в научный обиход С. Пеппером. Впоследствии базисная метафора стала соотносится с познавательной моделью.

В основе метафоры, дающей ключ к пониманию специфики индивидуального (ментального) лексикона как психолингвистического феномена (см.: [4]), лежит представление о *голограмме*. «Голографическая» метафора этимологически восходит к греческому «holos» – ‘весь’, ‘полный’, ‘целый’. Целостный, объемный образ лексикона выстраивается как система многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом и т.п. Роль слова как единицы, функционирующей в менталь-

ном лексиконе, при подобном подходе сравнивается с ролью *лазерного луча* при считывании голограммы: «... оно делает доступным для человека определенный *условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира* во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [6: 245]. Спустя более сорока лет после формулирования принципов организации «внутреннего лексикона», автор этой концепции уточняет: «образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит *за словом* (т.е. хранится в памяти и может быть из нее извлечено во всем богатстве связей и отношений) в единой информационной базе человека» [9: 16]. Подчеркнем, что под единой информационной базой человека А.А. Залевская понимает совокупный (вербальный и невербальный) продукт переработки перцептивного, когнитивного и аффективного (эмоционально-оценочного) опыта *познания и общения* индивида как представителя вида и личности, включенной в естественное и социальное окружение.

Следует отметить, что идея словаря как ментальной функциональной сущности уже зрела в недрах отечественной лингвистики, в частности в работах С.Д. Кацнельсона 1970-х гг. (см., например, издание: [10]). Обратив внимание на ощущение неловкости и тяжеловесности, производимое многими примерами толкования слов в лингвистических словарях, исследователь интуитивно выходит на мысль о принципиально ином способе существования лексики в сознании пользующегося ей человека: «В нашем уме слова ... хранятся как элементарные единицы, в общем не требующие пояснений» [Op. cit.: 22]. Лексикон рядового носителя языка, таким образом, фигурирует у С.Д. Кацнельсона как «хранящийся в головах у говорящих запас слов», неоднородный по своему составу, распадающийся на несколько пластов, из которых основной и самый элементарный пласт образуют «абстракции, основанные на обобщении чувственных признаков и усваиваемые нами с детства путем “наглядного определения”». Они же служат основой для образования более общих слов» [Ibid.]. Обозначив роль элементарных единиц в «стратиграфии лексических напластований», С.Д. Кацнельсон, таким образом, признал их значимость в функционировании лексикона развивающейся языковой личности.

Однако для того, чтобы подобные идеи о словаре в сознании человека оформились в полноценную концепцию, А.А. Залевской потребовалось интегрировать имеющиеся на тот момент достижения из разных областей знаний, изучающих и языковое, и неязыковое поведение человека. Это позволило ей разработать оригинальную модель организации внутреннего (ментального) лексикона человека. Предложенная А.А. Залевской характеристика ментального лексикона как *системы – динамической, функцио-*

нальной и самоорганизующейся, чрезвычайно емкая, так как каждая составляющая этой характеристики может быть развернута в самостоятельный ракурс рассмотрения проблемы.

В работе А.А. Залевской [4] ряд определений «внутреннего лексикона» человека и принципы его организации последовательно выводятся из рассмотрения специфических (психофизиологических) особенностей речевой организации человека по Л.В. Щербе; там же дается трактовка ментального лексикона как лексического компонента речевой организации человека, обладающего теми же свойствами, которые специфичны для речевой организации в целом, а именно: лексикон понимается не как *пассивное хранилище* сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессами переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами.

В первом издании книги Дж. Эйтчисон [17] проблема ментального лексикона обсуждается в связи с разнообразными подходами к моделированию человеческого сознания. Автор указывает, что психолингвистические модели сознания располагаются в пространстве между конкретными моделями космических кораблей и абстрактными моделями экономики. Возможно, наиболее удачной будет аналогия с картой (схемой) местности, которая, с одной стороны, в какой-то мере отражает реальное положение вещей, а с другой – не имеет с ним ничего общего. Автор указывает на существование ряда причин, по которым ментальные модели отличаются от схемы, например, Лондонского метрополитена.

Эту разницу можно объяснить с помощью еще одной аналогии: «mouth image» – процесса, который имеет место внутри ротовой полости во время поглощения пищи (при условии, что его нельзя наблюдать изнутри). Размышляя над этой ситуацией, можно прийти к выводу, что процесс переработки пищи обусловлен некими перемалывающим и увлажняющим механизмами. При этом нет никаких гарантий, что все это приведет к предположению о существовании и участии в процессе еще одного механизма – языка – органа с сильной мускулатурой, позволяющей манипулировать пищей. Дж. Эйтчисон обращается к рассмотренной аналогии с определенной целью: показать, что цепь логичных рассуждений необязательно приводит к правильным выводам. В этом смысле сознание, возможно, функционирует совершенно парадоксальным, противоречащим здравому смыслу образом. Однако аналогия «mouth image», как считает исследователь, может быть полезной по другой причине: она намекает, что человеческое поведение часто является конечным результатом взаимодействия ряда совершенно различных компонентов, subsystem или «модулей» (термин заимствован из компьютерной области). Все это, по мнению Эйтчисон, справедливо и по отношению к ментальному лексикону [17: 28–31].

По замечанию Э. Маккормака, попытки пролить свет на природу человека с помощью механической метафоры – отнюдь не феномен двадцатого столетия. В работе [14] им рассматриваются исторические варианты ком-

пьютерной метафоры, начиная с буквальной интерпретации мыслительной деятельности, *как если бы* она была сходна по характеру с действиями компьютера, а познавательная деятельность определялась бы *как* счетно-вычислительная и заканчивая рассмотрением человеческого познания, *как если бы* оно было вычислительной деятельностью, а вычислительная деятельность – *как если бы* она была человеческим познанием. Б.М. Величковский обращает внимание на новые теоретические возможности, которые открыла компьютерная метафора в психологии: понимание того, что человек активно «перерабатывает информацию», строя внутренние модели (репрезентации) окружения, означало переход от информационного подхода в узком смысле слова к когнитивной психологии [2]. Характерное для психологии XIX – первой половины XX веков представление об энергетическом обмене организма со средой было заменено на представление о значительно более быстром и гибком информационном обмене [Ibid.].

В современных исследованиях ментального лексикона компьютерная метафора имеет тенденцию заменяться на «мозговую» («brain or cerebral» metaphor) в связи с появлением постоянно усложняющихся компьютерных систем очередных поколений, пытающихся имитировать человеческий мозг как механизм внутренней переработки информации. Отметим, однако, что обе метафоры, так или иначе, отражают подход к лексикону с точки зрения моделирования *искусственного* интеллекта. Стремительное развитие компьютерных технологий и соответственно рост потребностей пользователей компьютерных систем вынуждают исследователей искусственного интеллекта решать практические задачи разработки лексических баз данных для обработки текстов на естественном языке; на пути к достижению этой цели возникают проблемы понимания и усвоения слова компьютерной системой, которая «пытается» имитировать *живой* интеллект.

Таким образом, с одной стороны, осознается тот факт, что лексикон является проблемой для развития подобных систем, а с другой – становится очевидным, что модель ментального лексикона, основанная на представлении о «модуле» как составляющей искусственного интеллекта, далека от психологической реальности: лексикон рассматривается в отрыве от его носителя – человека, включенного в социальный и коммуникативный контекст. Видимо, в этом и заключается некоторая ограниченность «компьютерной метафоры» как опоры для формирования представлений о лексиконе живого человека (не только думающего и говорящего, но чувствующего и переживающего), его ментальной организации.

В одной из своих работ [16] замечательный теоретик психологии В. Фракл приводит следующее определение человека, данное в журнале «The Morals and Modes of Psychotherapy»: «Человек – это не более чем биохимический механизм, приводимый в движение системой процессов окисления, питающих энергией компьютеры». Как невролог В. Фракл готов подтвердить правомерность рассмотрения компьютера как модели, например, центральной нервной системы. Ошибка, по его мнению, заключается лишь в

словах «не более чем», в утверждении, что человек не представляет собой ничего, помимо компьютера. «Да, человек – это компьютер, но одновременно он нечто бесконечно большее, чем компьютер, большее в ином измерении», – утверждает В. Франкл. Подобную «генерализацию», которой занимаются специалисты, психолог называет редуционизмом, который, как выясняется, не только редуцирует у человека целое измерение; он укорачивает человека ни много, ни мало на специфически человеческое измерение [Op. cit.: 46–47].

Если в эру развитых технологий источником актуальных метафор памяти и ментального лексикона являются современные компьютерные системы, связанные с хранением и передачей информации, то в истории формирования интуитивных идей о словаре в сознании человека издавна присутствовала тенденция рассматривать словесную организацию человеческой памяти как некое «место», «хранилище» (знаний, слов). К разряду так называемых «suggestive metaphores» относится Платоновская аналогия с клетками (birdcages), в которых разнообразие птиц, собирающиеся в стайки или летающие по отдельности, рассматриваются как элементы знаний [17: 31]. Сюда же вписываются аналогии с сокровищницей у Цицерона (treasure-houses), с мансардой у Конан Дойла (attics), библиотекой у Канта (libraries) [Ibid.].

Нетрудно заметить, что разнообразное содержимое перечисленных вместилищ трудно привести в надлежащий порядок, за исключением библиотеки, в которой книги распределяются по основным рубрикам в соответствии с централизованным каталогом, дающим информацию о каждой книге и ее местонахождении. «Библиотечная» метафора оказалась пригодной для описания не только памяти в целом, но и ментального лексикона, где слова уподобляются книгам на полках. Рассмотренные метафоры можно было бы отнести к самым ранним попыткам моделирования устройства и функционирования ментального лексикона.

Предложенная А.А. Залевской идея голограммы как целостного многомерного образования, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает структурную сущность лексикона как достояния человека. Преимущества голографической метафоры заключаются, прежде всего, в сохранении холистического подхода к человеку, его сознанию, лексикону. Не случайно, что в последнее время голографическая метафора активно используется в гуманитарных науках, в частности в построении синергетических моделей таких самоорганизующихся сложных систем произвольной природы, как человеческий интеллект.

Тем не менее, В. Франкл допускает, что «наука не только в праве, но и обязана выносить за скобки многомерность реальности, отграничивать реальность, вычислять из всего спектра реальности какую-либо одну волну». При этом «ученый должен сохранять видимость, будто он имеет дело с одномерной реальностью. Однако он должен при этом знать, что он делает,

иначе говоря, он должен знать источники своих возможных ошибок, чтобы миновать их в своем исследовании» [16: 52].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С.5–32.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. – Т. 1. – М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. – 448 с.
3. Гогоненкова Е.А. Эпистемологический статус метафоры http://gzvon.pyramid.volgia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libph/sb/credo/credonew/03_04/5.htm
4. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т. – 1977. – 83 с.
5. Залевская А.А. Метафора и формирование проекций текста // Текст в коммуникации : сб. науч. ст. – М.: ИЯ РАН, 1991. – С.158–168.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
7. Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С.4–12.
8. Залевская А.А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. – № 12(40). – Вып. 7 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.18–33.
9. Залевская А.А. Единая информационная база человека (к уточнению понятия) // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009. – № 25. – Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 15–20.
10. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
11. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
12. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
13. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
14. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
15. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности <http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.html>.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб.: пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
17. Aichison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – Oxford UK; New York USA.: Basil Blackwell Ltd, 1987. – 229 p.